

составляют методологические принципы, приемы, методы. Философские категории, как и понятия конкретных наук, не являются предписаниями. Почему можно говорить о методологической роли философских категорий?

Категории относятся к мировоззренческой части науки. Они служат ориентиром в познавательной и практической деятельности, обуславливают определенный взгляд на действительность. Философский взгляд на действительность способствует ее более успешному познанию. Система категорий представляет собой как бы сетку, накладывая которую на действительность создают ориентиры для познания последней. Н.П. Французова пишет следующее о методологическом значении философских категорий: “Для теоретических обобщений особенно важны философские категории, в которых концентрируется опыт предшествующего развития человечества, его познавательной деятельности. Эти категории используются как своего рода логическая сетка, с которой ученый подходит к обобщению полученного материала, как определенная методологическая предпосылка научного исследования, которая помогает ему найти наиболее успешные пути научного познания мира.” (6, с. 22). Относя категории и другие философские средства познания к субъективным аспектам науки, Н.П. Французова далее пишет: “...Под субъективными моментами понимаются не только иллюзии, заблуждения человека в процессе познания, но и определенные логические конструкции, выступающие с необходимостью как строительные леса при создании теоретических построений, ставящих своей задачей наиболее точное отображение объективного мира и его закономерностей” (6, с. 36-37).

Знание философских категорий способствует наиболее плодотворному общению между представителями различных конкретных наук, а также представителями различных отраслей одной и той же науки. Система философских категорий - основа языка межнаучного и внутринаучного общения.

Что касается исследуемых категорий, то знание типов необходимости, случайности и возможности облегчает исследование конкретных явлений, поскольку настраивает на поиск определенных обусловленностей в конкретном разделе той или иной науки. В тех же случаях, когда обнаруживаются явления, не подпадающие под описанные типы необходимости, случайности или возможности, задачей науки является разработка новых понятий. Затем эти новые понятия будут использованы философией для обобщения ранее созданных понятий, а затем результаты обобщений будут в свою очередь использованы конкретными науками, и т. д.

На основе категорий вырабатываются методологические принципы, а также методы и приемы познавательной и практической деятельности.

Литература

1. Войшвилло Е. К. Понятие. М., 1967.
2. Войшвилло Е. К. Понятие как форма мышления. М., 1989.
3. Войшвилло Е. К., Дегтярев М. Г. Логика как часть теории познания и научной методологии. Часть 2. М., 1994.
4. Ленин В. И. Философские тетради. Полн. собр. соч. Т. 29.
5. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 20
6. Французова Н. П. Марксистско-ленинская философия - методология естественных и общественных наук. М., 1969.

Российская экономика: неолибералы и их критики

д.э.н., проф. Филякин Ю.П., Эдель Е.Г.
МГТУ «МАМИ»

В первый период усилиями русских экономистов были созданы учебники по политической экономии и освещены многие теоретические и практические вопросы экономической жизни. Причем как с позиций господствующей на Западе либеральной экономической теории (классической), так и с социалистических, народнических, легально-марксистских и др. позиций.

Второй период характеризуется тотальным господством так называемой марксистско-ленинской экономической теории (некоторые ученые называют его «как эпоху кризиса традиционной российской политической экономии» [1]). Однако в этот период (на его начальном этапе) либеральные экономисты выступили с критикой марксистской политической экономии и экономической политики (П. Струве, С. Булгаков, С. Франк, В. Бруцкус и др.). Впоследствии фрондировали оппозиционностью главным образом представители экономико-математического направления (П. Федоренко, Л. Канторович, С. Шаталин и др.).

Третий современный период в развитии русской либеральной экономической школы характеризуется ее возрождением и свободным соревнованием идей в процессе дискуссий. Сложилась двоякая ситуация: страницы большинства экономических журналов и специализированных советов по защите кандидатских и докторских диссертаций исповедуют плюрализм мнений и взглядов по экономическим вопросам, а в университетах в преподавательской практике господствующие позиции занимает (и даже можно сказать – насаждается) неоклассическое экономическое направление.

Новая либеральная экономическая школа в России находится в процессе своего становления. Дело в том, что страна переживает период вхождения в рыночную экономику и объективно новая экономическая система еще не сложилась. К тому же в экономике и в обществе успели сложиться многие противоречия: между большинством населения и олигархами; между государственно-либеральным мышлением «верхов» и коммуитарным общественным сознанием «низов»; между лицами наемного труда и собственниками условий и средств производства; между демократическим сознанием передовой части общества и государственно-бюрократическими методами управления экономикой. Некоторые из этих противоречий носят преходящий характер, имеют отношение только к переходному периоду, а иные имеют и более длительный диапазон действия. Если следовать известной традиции и выделять основное противоречие современной российской экономики, то им может быть противоречие между большинством населения, оказавшимся обездоленным в результате грабительской приватизации государственной собственности в 90-е гг., и олигархическим сословием, сумевшим баснословно обогатиться в эпоху «великой криминальной революции». Его разрешение поставит на повестку дня противоречие, которое может быть основным уже в другое время, применительно к иному периоду в развитии российской экономики.

Что касается способов, методов разрешения этих противоречий, то они частично находятся в контексте проблем переходного периода, который, однако, может затянуться в силу существования в стране одновременно «трех эпох»: доиндустриальной (аграрной), индустриальной (преобладающей) и постиндустриальной (существующей в виде «ростков нового»). Сырьевая и топливно-энергетическая внешнеторговая ориентация российской экономики, ее дистанцирование от ВТО, слабое развитие малого бизнеса и некоммерческого сектора, передача верховной власти в стране «из рук и руки», отсутствие прогресса в развитии СНГ, существование квазипартий в Госдуме (вроде КПрФ и ЛДПР), засилье в государственном аппарате людей из спецорганов и многие другие факты говорят о том, что с точки зрения внутренних и международных условий Россия находится на начальной стадии переходного периода, который, как показывает опыт латиноамериканских стран, может продолжаться сколько угодно долго.

В экономической литературе (в том числе экспертной и научно-исследовательской) дискутируется широкий круг вопросов, которые входят в проблематику скорее нормативной, чем позитивной экономической теории. И хоть глубина и степень разработки этих проблем, в принципе, позволяют перенести акцент на позитив, вопросы переходного периода в рыночной экономике и экономической политике в силу своей злободневности являются, мы бы сказали, суперактуальными.

Правда, методологический подход к ним определяется тем, какое место занимают те или иные альтернативные экономические теории по отношению к «основному течению» экономической мысли (mainstream). По общему мнению [2], с основным течением экономической мысли смыкается новый институционализм. Новая австрийская школа, с ее акцентом на

эволюцию рыночного процесса во времени, располагается несколько правее центра. А остальные экономические течения – посткейнсианство, институционализм в традициях Гэлбрейта и Хайлброннера, поведенческая и эволюционная экономика, радикальная (в том числе марксистская) экономическая теория находятся на левом фланге современной экономической мысли. Так что глубинные основы критики, в том числе нормативной экономики, восходят к только что перечисленным экономическим направлениям.

Итак, какие же проблемы дискутируют неоллибералы в России? Это вопросы начала переходного периода к рыночной (так называемой транзитивной) экономике: «шоковая терапия» или градуализм? Как развивались процессы либерализации экономики, приватизации предприятий госсектора и макроэкономической стабилизации в стране?

В связи с начавшимся в новом столетии экономическим ростом встал вопрос о соответствующей проблематике и определении стратегии дальнейшего экономического развития страны. По-прежнему актуальны проблемы модернизации экономики и определения путей преодоления экономической отсталости (догоняющего развития) России.

Оживлению дискуссии способствовало опубликование в ведущем экономическом журнале страны – «Вопросах экономики» большой статьи Е. Гайдара и В. Мау «Марксизм: между научной теорией и «светской религией» (либеральная апология)» [3]. Дело в том, что марксистское направление экономической мысли, как господствующее при государственном социализме, в настоящее время является основным оппонентом неоклассики в России.

Наконец, в связи с постиндустриальной перспективой некоторые теоретики ставят вопрос об эффективности рыночной экономики, а также о расширении экономической функции государства не только в переходный период, но и вообще в современном обществе.

Одной из важнейших экономических (и не только) проблем переходного периода является проблема выхода из социализма, начала социально-экономической трансформации. Неоллибералы в России решали только часть этой проблемы, не выходя за пределы дилеммы: «шоковая терапия» или градуализм. Поскольку свеж был опыт постсоциалистических преобразований в Польше, то российские либералы выступили с обоснованием повторения для России «польского пути» и реализации программы «шоковой терапии» Л. Бальцеровича. Поэтому российское правительство, возглавляемое Е. Гайдаром, отвергло план постепенных рыночных преобразований (стратегия градуализма) и на практике стало реализовывать экономическую стратегию «шоковой терапии» с января 1992 г. Цена такой политики оказалась слишком высока: в десятки раз увеличился за один год рост цен, произошло резкое падение производства, возросла безработица, резко снизился уровень жизни населения. Это, в конце концов, привело к падению данного правительства и к событиям осени 1993 г. в Москве. Если посмотреть, как оценивали «Реформы по Гайдару: 500 дней спустя» авторы из Экспертного института, руководителем которой был известный российский либерал Е. Ясин, то они прямо пишут: «В целом шок, несомненно, был... Из-за просчетов в диагнозе, в дозировке лекарств, замедленной реакции и неорганизованности лечащий эффект шока оказался намного меньше возможного. Количество проблем, стоящих перед обществом, не уменьшилось, социальную цену за попытку реализации реформ пришлось заплатить сполна» [4]. Итак, вопреки мнению самого Е. Гайдара и некоторых либерально настроенных экономистов из его окружения (например, А. Илларионова [5]), шок все-таки был, а соответствующая терапия явно опоздала. Главная в то время задача заключалась в том, чтобы начался рост реальных доходов и уровня жизни населения, чего нельзя было достичь без восстановления производства. И второй момент – необходимо проводить активную социально-экономическую политику, которая должна стать составной частью экономических реформ в стране. Этого не обеспечивала экономическая политика правительства Е. Гайдара и поэтому вслед за «шоковой терапией» была, как будто бы развернута новым правительством В. Черномырдина политика градуализма. По форме был взят курс на национально-ориентированный капитал и антиинфляционный выбор, но по существу он продолжал финансово-кредитную политику Е. Гайдара. «Правда, этот курс он попытался осуществлять в скрытой форме, – пишет В. Мау, – то есть, сопровождая рестрикционные финансовые меры широкими обещаниями дополни-

тельных денежных вливаний» [6]. Таким образом, несмотря на смену главы правительства, целевая ориентация экономики на развитие рыночных отношений путем «закручивания гаек» и проведения старой политики «шоковой терапии», но другим путем, была продолжена.

Естественно, это вызвало критику со стороны представителей радикального направления экономической мысли: национал – патриотов, умеренных марксистов и неомарксистов. Именно эта модель привела в условиях саморегуляции к потеснению ее монополизмом, превращению частной собственности в корпоративно-номенклатурную, экономика стала развиваться по асоциальному пути, а финансовая стабилизация превращаться с стагфляционную ловушку. Практически к концу 1994 г. уже было невозможно однозначно свести российскую экономику к одной из моделей социально-экономической трансформации. Она колебалась между государственно-корпоративной моделью буржуазной трансформации и моделью «шоковой терапии» [7]. Поэтому не случайно, что в 1998 г. в России разразился финансово-экономический кризис и люди стали связывать все 90-е гг. и с правлением президента Б.Ельцина, и с кризисным развитием страны.

Выход из социализма, по мнению Г. Попова (социал-либерал, центрист), лежит не на путях интернационального или национального социализма, а в «новом курсе» Рузвельта – модели постиндустриального общества [8]. С постиндустриальным обществом связывают свои надежды представители почти всех экономических взглядов, за исключением марксистов (они называют это общество коммунизмом). Но все дело в том, как осуществляется в конкретной стране переход к такому обществу. Так, в России (СССР) долгое время существовал общественный строй государственного социализма во главе с коммунистической бюрократией (номенклатурой). После победы народно-демократической революции 1991 г. и отстранения от власти консервативно-коммунистической партократии, к власти пришли реформистские круги номенклатуры. На первом этапе (90-е гг.) они привлекли в качестве союзников нарождающийся капитал и некоторые группы либералов. На втором этапе (с 2000 г.) номенклатурная бюрократия отказалась и от союзников-олигархов, и от союзников-либералов и начала формировать систему управляемой демократии, что предполагает сочетание внешних форм демократии с господством бюрократии.

Суть экономических преобразований в период трансформации российской экономики сводился, по мнению российских неолибералов и стоящих за их спиной представителей Вашингтонского консенсуса (МВФ, МБРР), к проведению рыночных реформ посредством либерализации экономики, приватизации предприятий госсектора и осуществления макроэкономической стабилизации в стране. Как писал авторитетный американский профессор-либерал Дж. Сакс (на раннем этапе бывший советником российского правительства), России предстоит выполнить не одну, а три фундаментальных задачи [9]: 1) преодолеть финансовый хаос, ликвидировать бюджетный дефицит и обуздать высокую инфляцию; 2) пересмотреть свои экономические и правовые институты, чтобы создать условия для функционирования рыночной экономики; 3) провести преобразования экономической структуры, демилитаризовать экономику и переориентировать ее на производство потребительских товаров и услуг [10].

Разумеется, такие известные экономисты-либералы, как Е. Гайдар, А. Илларионов, Р. Евстигнеев, целиком и полностью солидаризируются с позицией Вашингтонского консенсуса, хотя она была разработана для развивающихся, а не индустриальных стран. Либерализация экономики и последовавший за ней всплеск гиперинфляции был первым шагом такой политики. Вторым шагом была политика приватизации, проводимая А. Чубайсом, которая привела к разворовыванию общественного богатства в стране и многим аномалиям в экономике. Один из экономистов-постмарксистов пишет: «экономически влиятельные группы с самого начала энергично выходили на властные структуры, добиваясь перехода в свою собственность все новых «филейных» частей национального богатства. Отсюда – взяточничество, коррупция, тайные сделки, произвол в процессах денационализации». Поэтому актуальной становится задача защиты не собственности вообще, а всех форм собственности, включая частную, и обеспечение перехода к многообразию форм собственности и хозяйствования

[11].

Что касается макроэкономической стабилизации в стране, она свелась главным образом к подавлению инфляции и свертыванию масштабов производства, т.е. хроническому недофинансированию и недокредитованию экономики. Такая экономическая политика проводилась и в период президентства Б. Ельцина, и в последующий период. Следует сказать, что экономический блок министров в правительствах Л. Касьянова, М. Фрадкова и В. Зубкова всегда возглавлялся экономистами неолиберальной ориентации: первое правительство В.Путина было вообще пролиберальным, во втором там были такие фигуры, как Г. Греф, А. Кудрин, М. Зурабов, советником президента по экономическим вопросам был А. Илларионов. Именно они настаивали на жесткой монетарной политике денежного дефицита, которая привела к уменьшению денег в обращении и ограничению экономического роста в стране.

В 1999 г. в России начался экономический подъем и страна вступила во второй постсоциалистический период – относительной стабилизации и умеренно высоких темпов экономического роста. Встал вопрос о модернизации не только экономики, но и всей страны, перевода ее на инновационные рельсы развития и приобщения к информационно-постиндустриальной цивилизации.

В этой связи обращают на себя внимание две статьи, опубликованные одним из видных экономистов-либералов современной России Е. Ясиным [12], которые поднимают проблемы модернизации страны, ее моделей, программ и связанные с этим процессом вопросы о функциях государства, состоянии институтов и культуры общества. По мнению Е. Ясина, Россия готова к модернизации, т.е. переходу к инновационной экономике. Возможны две модели модернизации: 1) модернизация «сверху» и 2) модернизация «снизу». Е. Ясин, очевидно, отдает предпочтение второй модели считает, что инициатива должна исходить от бизнеса, а государственные органы лишь создают условия для деловой активности и поддерживают те или иные проекты.

Как показывает опыт, расширенное участие государства в модернизации экономики вовсе не означает, что мы имеем дело с авторитарной модернизацией, равно как усиление государственного регулирования экономики, увеличение государственного сектора и развитие государственного предпринимательства может быть вызвано как старыми ошибками в процессе приватизации предприятий госсектора, так и пассивностью предпринимателей, привыкших получать баснословные доходы от денежно-кредитной сферы. Демократический вариант модернизации вовсе не означает, что государству заказан путь в экономику и что надо отдать структурные преобразования в стране в руки частного бизнеса. Государство должно выступить в качестве мотора и главного субъекта модернизационного процесса в рамках и на основе демократических процедур, с учетом предполагаемой смены менталитета российского населения.

Кстати сказать, почему произошла «пассивная структурная перестройка экономики», как пишет Е. Ясин? Да потому, что либералы в правительстве решили не вмешиваться в этот процесс и пустить его на самотек. Отсюда сократилась занятость в промышленности, возросла роль торговли и финансового сектора, повысилась доля отраслей, производящих услуги. Отраслевая структура производства и занятость изменилась, констатирует автор, в соответствии со спросом. То, что производство во многих отраслях сократилось и потребители переориентировались на импортную продукцию, можно объяснить тем же спросом. Спросом вообще можно объяснить любые структурные изменения, но тогда зачем проводить модернизацию экономики?

По существу те же ошибки воспроизводит в своей книге «Государство и эволюция» Е. Гайдар [13]. По его мнению, Россия никак не может преодолеть направленность развития страны, порожденную «азиатским способом производства», связанного с супергосударственностью и умалением роли частной собственности в экономике. Поэтому вступив на путь догоняющего развития, страна должна сделать выбор: либо пойти по западному пути со всеми его трудностями и проблемами и сформировать средний класс, легитимизировать частную собственность и государство; либо идти по пути государственничества – этой «псевдо-

религии», бюрократического рынка и развития государственно-монополистической экономики. Несмотря на такие заявления, реальная политика правительства Е. Гайдара, развернувшийся при нем заключительный этап номенклатурной приватизации, коррупция и мафиозизация общества вкупе с «необольшевистской» идеологией радикального либерализма привели к обратному результату, а вовсе не к коренному преобразованию государства ради его сохранения в преобразованном виде. Своего рода ультраправый либеральный экстремизм не может быть идеологией перестройки государства в рыночном ключе, равно как и пангосударственническую идеологию не следует рассматривать в русле развития демократизации и открытости общества.

В более развернутой форме Е. Гайдар и В. Мау в упомянутой выше статье критикуют марксизм. По их мнению, наиболее интересной и актуальной стороной этого учения является философия истории как метод исторического анализа и теория экономической истории. Речь идет об эволюции экономических форм и государственности под влиянием производительных сил, что, в конечном счете, привело к безреволюционному развитию общества в направлении либеральной демократии, возвестило «конец истории». И авторы ссылаются на книгу современного философа и футуролога Ф. Фукуямы [14].

Но в марксизме есть и другая сторона – «светская религия»: экономическая теория, теория классовой борьбы и революции. Эта теория, формулирующая «железные законы» движения капитализма, показала свою несостоятельность и благополучно канула в Лету. Но данное положение обнаружилось не сразу, а только в 40-е гг. XX столетия, что обозначилось почти одновременным выходом в свет разнонаправленных книг Й. Шумпетера [15] и Ф. Хайека [16].

Естественно, что можно выявлять положительные стороны марксизма и его «недостатки». Сам Маркс не так «прост», допускает много оговорок и до конца не понятых экономической наукой положений. Однако его абстракция «чистого капитализма», исключая промежуточные слои общества из анализа движения капитализма, и теория революции, вытекающая из «закона соответствия», – не получили подтверждения. Эволюция привела к превращению пролетариата в средний класс (в передовых странах мира), а капитализму удалось адаптировать развитые экономические формы и институты к современным производительным силам, более того, сделать их привлекательными для граждан постиндустриального общества. Поэтому можно сказать, что современное информационно-постиндустриальное общество – это во многом социализированное и гуманистическое общество, тогда как «поздний» капитализм и «развитой» социализм есть разновидность индустриального общества, для которых типичны концентрация и централизация производства и капитала, фордизм и тейлоризм, крупные гигантские предприятия и монополистические монстры.

Таким образом, критиковать «рыночноцентрическую» концепцию современного западного общества можно и с позиций общества будущего («постиндустриализма»), т.е. того, что в этом обществе напоминает предвидения марксизма и что ему противоречит. Само собой, что так поступают неомарксисты А. Бузгалин и А. Колганов, которые ставят знак равенства между постиндустриализмом и коммунизмом [17], забывая, что постиндустриальное общество выросло из «позднего» капитализма, а не государственного социализма; оно не является плодом революционного развития; в нем господствующие позиции занимает не пролетариат (правильнее сказать – «люмпен-пролетариат»), а средний класс и его политические организации. Так что не стоит сбрасывать со счета и классовую борьбу, и социальные реформы, и различные модели социально-ориентированной рыночной экономики, как это делают неолибералы, объявляя рыночную экономику и политическую демократию «концом истории». Но было бы также упрощением не видеть, что «эпоха пролетарских революций» прошла, экономическая теория Маркса-Ленина устарела, а их методология однолинейного развития по принципу «от сложного к простому» не соответствует реальной жизни.

Экономисты-неолибералы подозрительно относятся к экономической деятельности государства, считая этот «надличностный» институт сосредоточием деятельности бюрократии. Однако, по мнению А. Бузгалина и А. Колганова, при постиндустриализме объективно воз-

никают пострыночные отношения, которые отнюдь не сводятся к экономическим функциям государства. В другой статье эти авторы уже по-другому расставляют акценты [18]. Они считают, что хотя и не произошло снятие товарного производства планомерным развитием, но историческая эволюция капиталистического хозяйства действует именно в этом направлении. Слов нет, государство стало более полно и всеобъемлюще вмешиваться в «мелочи» экономического процесса, но здесь нет, во-первых, никакого марксизма, во-вторых, это не затрагивает основных производственных отношений современного общества (между наемными работниками и предпринимателями), которые через «гору» причин и факторов все равно пробивает себе дорогу. Подробное исследование дилеммы «рынок-план» не выводит их за грань, как считали раньше, да и теперь университетские профессора, исходных производственных отношений, но оно создает лишь форму движения основных отношений, которые и являются таковыми, потому что определяют суть воспроизводства той или иной социально-экономической системы. «Либеральный марксизм» Е. Гайдара и В. Мау – это такая же крайность, какой является «постэкономический коммунизм» А. Бузгалина и А. Колганова.

Несомненным критиком неолибералов в правительстве относительно перспектив экономического развития России с позиций государственно-монополистического капитализма с национальной спецификой выступает С. Глазьев. Правда, его предположения часто не сбываются [19], однако это не делает их научно интересными [20]. Он считает, что экономика России распалась на два сектора: относительно благоприятный экспортно-ориентированный, занимающий все больше места на мировых рынках, и сужающийся под давлением импорта внутренний, все сильнее отстающий в технологическом и институциональном отношении от зарубежных конкурентов. Страна все больше превращается в сырьевой придаток Европы. Все четыре сценария «Основных направлений единой государственной экономической политики на 2007 год» сводятся к изъятию денег из экономики пропорционально величине поступающих в страну нефтедолларов. И он предлагает увеличить уровень монетизации экономики; поднять норму накопления до 4% ВВП; создать банки развития и превратить рубль в международную валюту. Для этого необходимо способствовать выходу страны на траекторию быстрого и устойчивого развития с ежегодным приростом ВВП на 10%, инвестиций до 25% и освоением ключевых производств нового технологического уклада до 35%. Это будет способствовать переходу страны на инновационный путь экономического развития.

Критиковать нынешние власти нужно за антидемократичность, коррумпированность и конкретные ошибки в управлении экономикой, но обеспечить устойчивые (бескризисные) темпы экономического роста, на наш взгляд, просто не реально. Это будет продолжаться до тех пор, пока в стране не будет обеспечен переход к новому технологическому укладу, построению постиндустриального общества и создана обстановка для развития конкуренции и экономической свободы. Другую альтернативную экономическую политику предлагает экономист-центрист С. Меньшиков, который выдвигает программу-максимум и программу-минимум [21]. В первой программе он предлагает положить конец господству монополизма и олигархии, сделать государство самостоятельным, независим и активным центром регулирования долговременных экономических процессов, надо подчеркнуть, при опоре на рынок. Во второй, сделана заявка достичь той же цели применительно к регулирующей роли государства, не пытаясь сломить господство монополизма и олигархии, а ставя их в определенные рамки. Для этого предлагается установить эффективный контроль государства как собственника минеральных ресурсов страны с правом изъятия достаточно высокой доли природной ренты; сохранить сильный государственный сектор в тех отраслях экономики, где частный капитал не проявляет достаточной активности; активнее использовать государственный капитал для развития конкурентоспособных производств обрабатывающей промышленности; задействовать государственное регулирование для совместного с профсоюзами и организациями промышленников и предпринимателей выявления макроэкономических пропорций, обеспечивающих достаточно высокие темпы роста экономики.

Как мы видим, в этой модели экономической трансформации акцент сделан на создающие функции государства, на модернизацию «сверху», на компенсацию действий част-

ного сектора со стороны государственнического начала.

Выводы

В современной русской экономической мысли выделяется активное неолиберальное экономическое крыло, которое проповедует невмешательство государства в экономику и модернизацию страны стихийным путем. Ему противостоит большой отряд экономистов, выступающих с противоположных позиций. Официальная стратегия государственного либерализма должна увязать, по мнению правительственных чиновников, эти точки зрения в единую концепцию.

Литература

1. Павлов В. А. История российской политической экономии. – М.: АО Аспект-Пресс, 1995, с. 4.
2. История экономических учений. – М.: Инфра-М, 2002 с. 759-760.
3. Гайдар Е., Мау В. Марксизм: между научной теорией и «светской религией». Вопросы экономики, 2004, №№ 5, 6.
4. Экспертный институт. Избранные доклады (1992-1997). – М.: Изографус. 2002. с. 188.
5. Илларионов А. Наши разногласия. Вопросы экономики. 1994. № 5
6. Мау В. Экономическая политика в условиях радикальных экономических реформ. – М.: МГУ им. М.В. Ломоносова. 1995. с. 39
7. Экономика переходного периода, – М.: Изд-во Моск. ун-та. 1995. с. 413-414.
8. Попов Г. Проблемы выхода из социализма. Вопросы экономики. 2006. № 4.
9. Сакс Ж. Рыночная экономика и Россия. – М.: Экономика. 1994. с. 311.
10. Сакс Ж. Рыночная экономика и Россия. – М.: Экономика. 1994. с. 38-40.
11. Куликов В. Приватизация: ретровзгляд (к 15-летию радикальных преобразований отношений собственности в России). Российский экономический журнал. 2007. № 5-6, с. 5.
12. Ясин Е. Государство и экономика на этапе модернизации. Вопросы экономики. 2006. № 4; Ясин Е. Модернизация и общество. Вопросы экономики. 2007. № 5.
13. Гайдар Е. Государство и эволюция. – М.: Евразия. 1995.
14. Фукуяма Ф. Конец истории и последний человек. – М.: Ермак. 2004. с. 9.
15. Шумпетер Й. Капитализм, социализм и демократия. – М.: Экономика, 1995;
16. Хайек Ф. Дорога к рабству. – М.: Экономика, 1992.
17. Бузгалин А., Колганов А. «Рыночноцентрическая» экономическая теория устарела. Вопросы экономики. 2004. № 3. с. 49.
18. Бузгалин А., Колганов А. Нужен ли нам либеральный марксизм? (о статье Е. Гайдара и В. Мау «Марксизм между научной теорией и «светской религией»). Вопросы экономики. 2004. № 7.
19. Глазьев С. Хватит нас ломать, пора строить. Советская Россия, 2000, 6 июля.
20. Глазьев С. О стратегии экономического развития России. Вопросы экономики. 2007. № 5.
21. Меньшиков С. Анатомия российского капитализма. – М.: Международные отношения. 2004. с. 406, 426.

Промышленная политика: направления ее формирования и развития

д.т.н., проф. Ильин С.Н., Ильин А.С.
МГТУ «МАМИ»

Многочисленные прогнозы развития мировой экономики сходятся на том, что в долгосрочной перспективе (25-30 лет) темпы экономического роста в развитых странах составят около 2,5% в год. Для того чтобы за этот период отставание России от развитых стран по уровню ВВП на душу населения, по крайней мере, не увеличилось, необходимо уже в ближайшие годы обеспечить среднегодовые темпы экономического роста не ниже 6-7%. Только высокие темпы могут обеспечить прорыв к росту, и из этого надо исходить при формировании промышленной политики.

Для этого необходимы: выработка четких стратегических приоритетов промышленной политики и, прежде всего, на какие сектора и производства следует делать ставку в долго-